

5. Lomtev T.P. Grammatika belorusskogo jazyka. M.: Uchpedgiz, 1956.

6. Lopushanskaja S.P., Suprun V.I. Glagol'naja leksika v Kievskih listkah // Materialy po russko-slavjanskomu jazykoznaniju: Literaturnyj jazyk, dialekty, jazyk fol'klora: mezhvuz. sb. nauch. tr. Voronezh: Izd-vo Voronezh. gos. un-ta, 1988. S. 98–106.

7. Lopushanskaja S.P., Suprun V.I. Ispol'zovanie glagola v Kievskih listkah // Acta Univarsitatis Palackianae Olomucensis: Facultas Paedagogica: Philologica, VI: Český jazyk a literatura, 7. Praha: Stát. pedagog. nakl., 1988. S. 61–68.

8. Nimchuk V.V. Kievskie glagolicheskie listki. Kiev: Nauch. mnenie, 1993.

9. Russkaja dialektologija. Izd. 2-e, ster.; pod red. V.V. Kolesova. M.: Vyssh. shk., 1998.

10. Russkaja dialektologija / pod red. N.A. Meshherskogo. M.: Vys. shk., 1972.

11. Rusinov N.D. Drevnerusskij jazyk. M.: Vyssh. shk., 1997.

12. SDGVO – Slovar' donskih govorov Volgogradskoj oblasti / avt.-sost. R.I. Kudrjashova, E.V. Brysina, V.I. Suprun; pod red. R.I. Kudrjashovoj. Izd. 2-e, pererab. i dop. Volgograd: Izdatel', 2011.

13. Staroslavjanskij jazyk: uchebnik dlja vuzov RF / S.A. Averina, L.M. Navtanovich, M.B. Popov, O.A. Starovojtova. SPb.: Fak. filologii i iskusstv SPbGU, 2008.

14. Trubachjov O. N. Jazykoznanie i jetnogeneza slavjan: drevnie slavjane po dannym jetimologii i onomastiki (okonchanie) // Voprosy jazykoznanija. 1982. № 5. S. 3–17.

15. Fasmer M. Jetimologičeskij slovar' russkogo jazyka. T. III / per. s nem. i dop. O.N. Trubachjova. M.: Progress, 1987.

Disaffrication in dialect consonants as the reflection of the principle of rising sonority

The article deals with the cases of disaffrication in the Russian folk dialects. It is stated that this process originates from the proto-Slavic epoch when sonorous affricates disappeared. The reason for the linking element in affricates to disappear is in the principle of rising sonority fundamental for syllable structure in the proto-Slavic language.

Key words: *affricate, disaffrication, principle of rising sonority, shchekanye, sokanye.*

(Статья поступила в редакцию 19.10.2016)

О.Г. БОРИСОВА
(Краснодар)

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КУБАНСКОГО ДИАЛЕКТА*

Обосновывается целесообразность определения языкового статуса кубанского диалекта как идиомы смешанного типа, имеющего восточнославянскую (русско-украинскую) языковую основу.

Ключевые слова: *кубанский диалект, кубанские говоры с южнорусской языковой основой, кубанские говоры с украинской языковой основой, смешанные говоры.*

Функционирование на территории Краснодарского края говоров с украинской и южнорусской языковой основой вызывает необходимость решения вопроса о языковом статусе кубанского диалекта, который до сих пор является неопределённым. Используя терминологическое сочетание *кубанский диалект*, исследователи часто не уточняют, что имеют в виду: кубанские говоры с южнорусской языковой основой, кубанские говоры с украинской языковой основой или идиом, объединяющий эти группы говоров. Языковой ландшафт Краснодарского края, действительно, представляет собой довольно пёструю картину, обусловленную историей его заселения. На данное обстоятельство обращали внимание многие собиратели и исследователи кубанских говоров. Работа над сводным «Словарём кубанских говоров», сбор материала в ежегодных диалектологических экспедициях, которыми автор данной статьи руководит начиная с 2005 г., также позволяют констатировать, что кубанские говоры, несмотря на имеющиеся различия, обнаруживают много общего, особенно в области лексики и фразеологии. Б.Н. Проценко, обследовав по программе первых четырёх томов ЛАРНГ говор ст-цы Дядьковской Кореновского района, имеющий украинскую языковую основу, зафиксировал колоссальные изменения в области лексики, проявившиеся в мощной экспансии русизмов, значительно трансформировавшей словарь. Ростовский диалектолог предложил квалифицировать описанный им идиом как говор пе-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 16-14-23002/16.

реходного типа или говор русскоязычной лексикой. В качестве одного из аргументов ученый привёл и тот факт, что кубанские казаки-степняки этнически самоопределились как русские. При этом Б.Н. Проценко признаёт, что определение языкового статуса кубанских говоров с украинской языковой основой требует содержательного обмена мнениями [1, с. 17–19].

Между тем нельзя отрицать и того, что отдалённые во времени и пространстве от материнского языка, испытывающие мощное влияние русского языка, кубанские говоры с украинской языковой основой также воздействуют на кубанские говоры с южнорусской языковой основой. В начале 50-х годов XX в., описывая говор Предгорной полосы Краснодарского края, М.Н. Шабалин приходит к заключению, что украинский язык оставил заметный отпечаток на русской народной речи жителей изучаемой им территории, где в середине XIX в. русское население смешалось с выходцами из Полтавской, Харьковской и некоторых других украинских губерний. Проницаемыми, как отмечает учёный, оказались все стороны языка, но более всех – лексический пласт [3, с. 430]. В 60-е годы XX в. Е.П. Шейнина делает вывод о том, что с лексической стороны речь жителей Кубани не представляет единой языковой системы [5, с. 67]. При этом она признаёт: русское население заимствовало у своих соседей-украинцев большое количество украинских слов и выражений [Там же, с. 68].

Однако общность лексико-фразеологического состава говоров Кубани вызвана не только взаимодействием двух лексических систем, в результате чего лексические единицы одной системы входят в лексическую систему другой, но и наличием в местных говорах большого количества слов, параллельно пришедших на Кубань из генетически родственных русского и украинского языков, украинского языка и южнорусских говоров. Тот факт, что изначально кубанские говоры с южнорусской и украинской языковой основой имеют общий лексический пласт, является их релевантной типологической особенностью. В него также входят лексемы, представляющие собой заимствования говоров друг у друга, а также из языков народов Кавказа, произошедшие уже в новых условиях бытования кубанских говоров – «на кубанской почве». О вхождении лексемы в общекубанский диалектный лексический пласт свидетельствует география слов, отражённая в словарных материалах.

В кубанских говорах зарегистрировано большое количество лексем, представляющих

собой формальные варианты, отражающие как живые фонетические процессы, так и результаты лексикализации. «Внешние» отличия не нарушают семантического тождества слова, что позволяет относить формальные варианты к общекубанскому лексическому пласту. Среди них можно выделить корневые, префиксальные, суффиксальные, постфиксальные фонематические / фонетические варианты. Приведём примеры наиболее частотных фонематических / фонетических различий по говорам (первый пример из говоров с южнорусской языковой основой, второй – с украинской): Е – И: *ме'шка* – *ми'шка* ‘кормовая смесь’, *ре'па* – *ри'па* ‘раст. топинамбур’ и др.; О – И: *вокно'* – *викно'* ‘окно’, *дрот* – *дрит* ‘проводака’ и др.; О – Е: *мёд* – *м[э]д*, *тёпло* – *т[э]пло* ‘тепло’ и др.; Л – В: *полсть* – *повсть* ‘тканое шерстяное покрывало’, *столбы'чить* – *стовбы'чить* ‘постоянно пребывать где-то; стоять на одном месте’ и др.; Е / И в суффиксах: *чапле'йка* – *чапли'йка* ‘сковородник’ и др.; О / И в суффиксах: *бато'г* – *бати'г* ‘кнут в виде длинного ремня на деревянной палке’, *батьковщи'на* – *батькивищи'на* ‘1) Родина; 2) наследство’ и др.; чередование гласных О / У в глагольных суффиксах: *байдакова'ть* – *байдакува'ть* ‘бездельничать’, *сваикова'ть* – *сваикува'ть* ‘быть свашкой на свадьбе’; О / И в префиксах ПОД – ПИД: *подгорта'ть* (*подгорну'ть*) – *пидгорта'ть* (*пидгорну'ть*) ‘подгрести, подсыпать’, *подсу'лок* – *пидсу'лок* ‘судак небольшого размера’ и др.; Т / Д в префиксах ОТ – ОД: *отчиня'ть* – *одчиня'ть* ‘открывать дверь, ворота и т. п.’ и др.; С / З в префиксах С – З: *сва'жить* – *зва'жить* ‘взвесить на весах’, *свих* – *звих* ‘вывих’ и др.; А / О, С / З в префиксах РАС(З) – РОЗ: *расиука'ть* – *розиука'ть* ‘разыскать’ и др.; Ц – Ц' *мудо'хаться* ‘заниматься делом, доставляющим много хлопот’ ([Ц] / [Ц'] в постфиксе); неотвердение / отвердение согласных перед гласными переднего ряда в разных морфемах: *бухи'кать* – *бухы'кать* ‘кашлять’, *кирна'тый* – *кырпа'тый* ‘курносый’, *насто'льник* – *насто'льнык* ‘скартерть’ и др.

Проведённые наблюдения позволяют признать, что фонетические системы говоров подвергаются трансформациям под влиянием русского литературного языка и друг друга. В частности, в речи носителей кубанских говоров с украинской языковой основой можно отметить ослабление позиций оканья в пользу аканья, редукцию гласных, переход [Э] в [О] под ударением перед твёрдым согласным, оглушение парных звонких согласных в слабых по-

зициях, отвердение мягкого [Ц']. В свою очередь, носители кубанских говоров с южнорусской языковой основой могут также перенимать некоторые особенности огласовки контактирующих с ними кубанских говоров с украинской языковой основой. Так, во время экспедиционного обследования Отраденского района многие информанты, рассказывая о растении цикорий, называли его [П'итро'в бат'у'х]. Произношение [бат'у'х] характерно для носителей кубанских говоров с украинской языковой основой (ср.: в кубанских говорах с южнорусской языковой основой – [бат'о'х]). Зарегистрировано также употребление глаголов с украинским суффиксом -УВА(ТЬ) наряду с -ОВА(ТЬ) / -ЕВА(ТЬ): *батракуват* – *батраковать* ‘батрачить’, *дружкуват* – *дружковать* ‘быть дружкой или дружкой на свадьбе’, *жалкуват* – *жалковать* ‘сжалеть’ и др. Наиболее показательными свидетельствами смешения двух диалектов являются лексические единицы, представляющие собой русско-украинские «гибриды»: *подишукуват* ‘подыскивать’ (ПОД- – русская приставка и -УВА(ТЬ) – украинский суффикс): *Я стал патишукуват ниве'сту* (ст-ца Бородинская); *раскуштуват* ‘распробовать, отведать’ (РАС- – русская приставка и -УВА(ТЬ) – украинский суффикс): *Ну шо? Раскуштувалы мий борц? Га'рний?* (ст-ца Новотитаровская) и др. Рассмотренные языковые факты демонстрируют общность современных кубанских говоров в фонетике, словообразовании и лексике, обусловленную либо их генетическим родством, либо взаимовлиянием двух диалектов.

Проиллюстрируем смешение кубанских говоров на грамматическом уровне на примере форм имён существительных. При анализе грамматических особенностей следует иметь в виду, что в силу генетической родственности русского и украинского языков их отличия на грамматическом уровне сводятся лишь к способам выражения одинаковых грамматических значений. Большинство грамматических черт, отмеченных в современных украинских говорах Кубани, были характерны для восточнославянских языков ещё в глубокой древности. Принимая во внимание данное обстоятельство, под украинскими грамматическими элементами мы будем понимать только те, которые хотя и были присущи в древности всем восточнославянским языкам, однако на современном этапе развития не характерны для русского литературного языка, а сохранились лишь в украинском языке и его говорах. Ана-

лиз форм Д. п. и П. п. ед. ч. сущ. с основой на -А демонстрирует, что носителями говоров с украинской языковой основой употребляются как флексия -И, характерная для украинского языка, так и флексия -Е, типичная для русской системы склонения. Ср.: *Я на свикли' робы'ла* (ст-ца Старомышастовская); *Ма'ма робы'ла на свикле'* (ст-ца Динская). Следует отметить, что окончание -И ещё довольно частотно, однако, как показывают наблюдения, оно характерно для представителей старшего поколения, информанты более молодого возраста употребляют флексию -Е.

Достаточно устойчива флексия -У в П.п. ед. ч. у сущ. 2-го склонения, которая отмечается в кубанских говорах как с украинской, так и с русской языковой основой. Прочную позицию флексия -У, характерная ещё для древнерусского языка, занимает в украинском и русском литературном языках. В кубанских говорах окончание -У чаще всего встречается у существительных с локально-временным значением. Наряду с указанной флексией в этом же грамматическом значении в украинских говорах Кубани отмечается окончание -Е, характерное также для говоров с южнорусской языковой основой и для русского литературного языка: *Карто'шку на'до в марту' сады'ть* (ст-ца Ахтанизовская); *На паталку' лук склада'ли* (ст-ца Упорная) – *Борц вары'ли в тако'м чау'не'* (с. Шабельское). «Литературность» флексии -Е и «народность» флексии -У делают их стилистически маркированными: -Е является принадлежностью официально-делового стиля, а -У, имеющая более сниженный оттенок, соотносится с разговорно-бытовым стилем. Что касается украинской флексии -И, то она малопродуктивна и отмечается в речи диалектоносителей лишь спорадически. Также редко встречаются украинские окончания -ОВИ, -ЕВИ: *при батькови, братови, дедови, сынови, на дубови* и некоторые другие.

Характерное для украинского языка чередование заднеязычных согласных звуков [Г], [К], [Х] со свистящими [З], [Ц], [С] в кубанских говорах с украинской языковой основой перешло в разряд архаичных. Сохранение на протяжении всего склонения согласных [Г], [К], [Х], которые, как правило, лишь фонетически смягчаются, появилось в кубанских говорах с украинской языковой основой под влиянием русского языка. Ср.: *Сыдю' на поро'зи* (ст-ца Дядьковская); *Була' в Темрюци'* (ст-ца Старотитаровская); *Носы'ла в па'зуси кукуру'зу, кра'ла* (ст-ца Сергиевская); *Занэду'жыв я в доро'ги* (ст-ца Ленинградская); *Нэ сыди' на поро'ги:*

разд'явой бу'дэш! (Пласт.); *Пойи'лы мя'со, а соба'ки кисткы' вы'ныслы* (ст-ца Азовская).

Нечастотность, малопродуктивность отдельных грамматических форм приводит к их неизбежной архаизации. Этот процесс в говорах с украинской языковой основой в полной мере отразился на звательной форме, которая спорадически отмечается у одушевлённых имён существительных (звательная форма для неодушевлённых имён существительных не известна в кубанских диалектах). В наших материалах примеры употребления украинской звательной формы единичны. В значении звательной формы выступает И.п. ед. ч. (*Мама! Дядя!*) или особая усечённая звательная форма (*Мам! Ма! Пап! Па!*).

Формы множественного числа имён существительных также обнаруживают сосуществование вариантов, подтверждающих смешение кубанских говоров на грамматическом уровне. «Самой примечательной чертой русского кубанского диалекта» [4, с. 309] являются дублетные окончания -АМ и -АХ у сущ. мн. ч. с предлогом *по* при глаголах любого лексического значения. Вариативность флексий вызвана тем, что носители диалекта могут использовать в указанной конструкции как дательный падеж, так и предложный. Принимая во внимание, что употребление П.п. в данном случае характерно для украинского языка XIX в. и его восточных говоров (в них предложный падеж русского языка соответствует местному падежу) и не характерно для современного русского языка и южнорусского диалекта, в том числе донского, логично признать флексию -АХ в кубанских говорах с южнорусской языковой основой результатом влияния на них говоров с украинской языковой основой. В наших материалах также зафиксированы примеры, подтверждающие вариативность этих флексий по говорам. Более того, отмечены случаи употребления вариативных форм -АМ / -АХ в пределах одного высказывания: *Как варя'га ади'н зашо'л, а я зна'ла, што он ла'зит на ко'мнатам, на кварти'рах* (ст-ца Отважная).

Дублетными являются флексии -АМИ и -АМЫ у сущ. в Тв. п. мн. ч. См.: *В Ду'ми сыд'ять, гро'шы чув'алами заробля'ють* (ст-ца Платнировская); *Свинню' ко'рмым кабака'мы* (ст-ца Динская) – говоры с украинской языковой основой; *Па-за ска'лами всигда' зверь пря'чицца* (хут. Андрюки); *Ра'ньшы рука'мы каси'ли, а щас каси'лкамы* (ст-ца Надёжная) – говоры с южнорусской языковой основой.

В говорах с украинской языковой основой обнаруживается вариативность форм Р.п. мн. ч.

Так, наряду с окончанием -ИВ, которое ещё достаточно устойчиво, употребляется флексия -ОВ. Ср.: *У на'с пацюки'в було' бога'то* (ст-ца Гривенская), *Тоди' у кулако'в рабо'тныки булы'* (ст-ца Старомышастовская). Зафиксировано употребление обеих флексий в пределах одного высказывания. См., например: *Як начала'сь сове'цка власть, так йих прижа'лы: и казаки'в, и цирке'сов* (ст-ца Елизаветинская). В то же время под влиянием кубанских говоров с украинской языковой основой в речи носителей местных говоров с южнорусской языковой основой можно услышать украинское окончание -ИВ: *Я жыла' у свикри'в* (хут. Саньков).

Вариативными в кубанских говорах с украинской языковой основой являются формы, выражающие категорию одушевлённости. В украинском языке форму В.п. мн. ч., одинаковую с Р.п., имеют лишь названия людей, а названия животных имеют в этом случае форму, одинаковую с И.п.: *пасты воли, запрягаты кони*. Под влиянием русского языка названия животных в кубанских говорах с украинской языковой основой в большинстве зарегистрированных высказываний информантов имеют форму В.п. мн. ч., одинаковую с Р.п., а не с И.п.: *Коне'й гоня'ла* (ст-ца Копанская); *Лиды' прыгоны' качки'в з ри'чкы* (ст-ца Ленинградская); *То'лька каза'в: «Мон'т ку'нытэ, бу'ду па'сты твои'х индюки'в* (ст-ца Полтавская); *Пора' вжэ коро'в знать на па'шу* (ст-ца Старомышастовская).

Бесспорно, воздействие друг на друга двух контактирующих диалектов представляет собой двусторонний процесс. Однако в случае с кубанскими говорами очевидно, что стороны неравны по своему удельному весу, доказательством чего является двуязычие жителей черноморских станиц, для которых официальным средством общения является русский язык в форме, близкой к разговорной литературной речи. Следует вспомнить, что политика коренизации, проводившаяся в нашей стране в 20–30-х гг. XX вв. и направленная на Кубани на замену русского языка украинским, не принесла ожидаемых результатов и имела трагические последствия для её сторонников. Провальный финал украинизации Кубани был обусловлен не только изменением политики И.В. Сталина по национальному вопросу (в 1932 г. ЦК ВКП(б) и РНК СССР приняли постановление «О прекращении украинизации»), но и тем, что она оказалась искусственной по сути: кубанцы в большинстве своём говорили на местной *балачке* и не говорили по-украински, тем более, не читали и не писали

на украинском языке, т. к. уже давно были *русифицированы*.

В фонетике и грамматике кубанских говоров на современном этапе развития наблюдается сосуществование диалектных (южнорусских и украинских) грамматических и фонетических вариантов, а также диалектных и русских литературных вариантов. Украинские говоры вбирают в себя грамматические и фонетические черты контактирующих с ними южнорусских говоров и русского литературного языка. Причём некоторые формы становятся дублетными, другие различаются стилистически – как нейтральный и архаический стили, а также как бытовой и официальный. В кубанских говорах с южнорусской языковой основой тоже сосуществуют варианты, среди которых явно преобладают южнорусские и литературные, украинские грамматические и фонетические черты усваиваются в меньшей степени. Смещение кубанских говоров с украинской и южнорусской языковой основой на фонетическом и грамматическом уровнях является показателем постепенного размывания их исторических основ. Совершенно очевидно, что в этом процессе мощным активатором выступает русский язык. Основная тенденция, определяющая современное состояние кубанского диалекта, как показывают проанализированные языковые факты, заключается в постепенном распространении русских литературных грамматических и фонетических элементов. Однако эти процессы ригидны и не носят глубинного характера, что способствует относительной устойчивости местных диалектных черт.

Сохраняя материнские черты, современные кубанские говоры с южнорусской и украинской языковой основой модифицируются под влиянием внешних обстоятельств и друг друга, что, безусловно, необходимо принимать во внимание при определении их языкового статуса. Представляется, что типологическая характеристика кубанских говоров должна опираться на определения «переходных» и «смешанных» говоров. В своё время Ф.П. Филин, присоединяясь к мнению Н.Н. Соколова и Н.Н. Дурново, дал им следующую образную характеристику, обладающую, на наш взгляд, убедительной объяснительной силой: «Переходный говор – как бы химическое соединение особенностей двух или нескольких говоров с весьма сильным изменением одного из них, смешанный же говор – механическое соединение, заимствование некоторых элементов языка одним говором у другого» [2, с. 96–97]. Полагаем, что языковой статус кубан-

ских говоров вполне соответствует предложенной трактовке *смешанных* говоров. Выявление многочисленных фактов, свидетельствующих о *смещении* кубанских говоров с южнорусской и украинской языковой основой на всех языковых уровнях, в результате которого они «механически» соединяются, заимствуя «некоторые элементы» друг друга, позволяет признать существование такого оригинального локального идиома смешанного типа, как кубанский диалект, имеющий восточнославянскую (русско-украинскую) языковую основу. Таким образом, современные говоры Кубани можно квалифицировать как гетерогенный диалект, неоднородность которого унаследована от сформировавших его говоров – южнорусских и украинских. Этот диалект имеет полидиалектные фонетико-грамматическую и лексическую системы, включает значительный в количественном отношении монодиалектный лексико-фразеологический пласт – лексические единицы, функционирующие на всей территории распространения кубанских говоров.

Список литературы

1. Проценко Б.Н. О статусе степных кубанских говоров в Лексическом атласе русских народных говоров // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 1994 / отв. ред. И.А. Попов. СПб.: ИЛИ РАН, 1996. С. 17 – 19.
2. Филин Ф.П. Исследование о лексике русских народных говоров: по материалам с.-х. терминологии / под ред. В.М. Ляпунова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936.
3. Шабалин М.Н. Русские говоры на юго-востоке Кубани (к вопросу о взаимодействии близкородственных языков): дис. ... канд. филол. наук. М., 1952.
4. Шабалин М.Н. О происхождении некоторых черт русского кубанского диалекта // Вопросы истории русского языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1959. С. 302–312.
5. Шейнина Е.П. Украинские заимствования в говоре ст. Тенгинской Краснодарского края (К составлению словаря говоров Краснодарского края) // Труды Краснодар. гос. пед. ин-та. Краснодар, 1963. Вып. 31: Вопросы изучения русского языка. С. 67–74.

* * *

1. Procenko B.N. O statuse stepnyh kubanskih govorov v Leksicheskom atlase russkih narodnyh govorov // Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov (Materialy i issledovanija). 1994 / отв. red. I.A. Popov. SPb.: ILI RAN, 1996. S. 17 – 19.
2. Filin F.P. Issledovanie o leksike russkih narodnyh govorov: po materialam s.-h. terminologii / pod red. V.M. Ljapunova. M.; L.: Izd-vo AN SSR, 1936.

3. Shabalin M.N. Russkie govory na jugo-vostoke Kubani (k voprosu o vzaimodejstvii blizkorodstvennyh jazykov): dis. ... kand. filol. nauk. M., 1952.

4. Shabalin M.N. O proishozhdenii nekotoryh chert russkogo kubanskogo dialekta // Voprosy istorii russkogo jazyka. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1959. S. 302–312.

5. Shejnina E.P. Ukrainskie zaimstvovanija v govore st. Tenginskoj Krasnodarskogo kraja (K sostavleniju slovarja govorov Krasnodarskogo kraja) // Trudy Krasnodar. gos. ped. in-ta. Krasnodar, 1963. Vyp. 31: Voprosy izuchenija russkogo jazyka. S. 67–74.

Typological characteristics of Kuban dialect

The article aims to determine the language status of the Kuban dialect as the idiom of the mixed type that has the East-Western (Russian-Ukrainian) language foundation.

Key words: *Kuban dialect, Kuban dialects with South Russian language foundation, Kuban dialects with Ukrainian language foundation, mixed dialects.*

(Статья поступила в редакцию 19.10.2016)

Л.Ю. КОСТИНА
(Краснодар)

ПОЛЕВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В АПШЕРОНСКИЙ РАЙОН КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ: НОВЫЕ ФИКСАЦИИ*

Предлагается анализ не зафиксированных ранее локализмов, локальных ЛСВ и фразеологизмов, записанных в Апшеронском районе Краснодарского края в ходе диалектологической экспедиции.

Ключевые слова: *кубанские говоры, локализм, локальный ЛСВ, локальный фразеологизм.*

В июле 2015 г. была проведена диалектологическая экспедиция в Апшеронский район, цель которой – приступить к изучению говоров горно-предгорной восточной зоны, одной из 10 лингвогеографических зон Краснодар-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 16-14-23002/16.

ского края [2]. Записи информантов проводились в следующих населённых пунктах Апшеронского района: в ст-цах Кабардинской, Кубанской, Куринской, Лесогорской, Линейной, Нижегородской, Тверской, Ширванской, на хут. Городок, Ерик. Собранные лексика и фразеология были рассмотрены нами в генетических координатах [1, с. 234–249]. Данный подход позволяет определить, являются ли слова, функционирующие в говорах позднего образования, принадлежностью материнской лексической системы, вошли ли они в местный диалект из других языков, непосредственно с ним контактирующих (в нашем случае – из языков народов Кавказа), или представляют собой локализмы, родившиеся «на местной почве». Проведённый анализ продемонстрировал, что большая часть диалектных лексических единиц в говорах Апшеронского района – принадлежность южнорусского диалекта. Между тем удалось записать слова и значения слов, не зарегистрированные в лексикографических источниках. Адекватному толкованию локализмов, выявлению оттенков значения и эмоционально-оценочных характеристик способствуют живой контакт собирателя с информантами, его непосредственное участие в беседах. Среди новых фиксаций можно выделить собственно локализмы и локальные ЛСВ общенародных и диалектных слов. Рассмотрим их более подробно.

Локальные ЛСВ. Глагол *вы'кинуть* зарегистрирован в говорах Апшеронского района в значении ‘вывесить бельё во двор’: *Пастира'ла, вы'сушила фсе'. Вы'кинула, праве'трила – и гато'ва* (Л.И. Жежель, 1936 г. р., ст-ца Тверская). В СРНГ данное значение не отмечено. В МАС глагол имеет 6 ЛСВ, приведенное диалектное значение, вероятно, развилось на базе 1-го общенародного ЛСВ ‘кинуть наружу, прочь, освободиться от кого-чего-л. как ненужного, выбросить’ [5, т. 1, с. 259].

Широкую дистрибуцию имеет в Апшеронском районе семантический диалектизм *гита'ра* в локальном ЛСВ ‘сорт жёлтой продолговатой тыквы’: *Есть таки'е кабаки', как называ'ицца, как гита'ра. У галаве' – там се'мички, а тут то'жы, но тако'е дли'ннае, быва'ет, пады'миш йиво'ота'к, тибе' в по'ис. И э'та мя'коть вся, ат хваста' и да галавы', там, в галаве', се'мичик нимно'шка, а то фсе' мя'коть. Да, как ани' кабаки', мы их «гита'ра» называ'им* (Л.П. Плотникова, 1932 г. р.,